

ГЛИТЧ: ЛОГ 103

ГЛУБОКОЕ ФОРМАТИРОВАНИЕ

НЕЙРОМОНАХ ЛЕШИЙ ОГ

Нейромонах OG

Глитч: Лог 103 - Глубокое форматирование. Книга 4

<https://litres.ru/74439708>

SelfPub; 2026

Аннотация

Стрелка настенных ходиков замерла на 03:33:00. Вода застывает в воздухе кубическими вокселями, дедов грассбух осыпается бинарным мусором, а ресурс Оболочки Артёма стремительно падает к нулю. Но страшнее всего отражение в треснувшем зеркале. Мутировавший в сознании системный баг - Глитч, Человек без лица - запускает принудительную чистку Сектора 1-В.

В подъезд уже входят Чистильщики в серых плащах, стирающие реальность до серых полигонов. Чтобы спасти мать и предотвратить откат мира к пустой «Версии 1.0», Лешему придется шагнуть сквозь разлом в нерендеренный Слой 2, пройти пространственные петли Коридора без конца и преодолеть Свалку кэша, где дед Иван превратился в безжалостного Сторожа карантина.

Когда системные команды бессильны против Ядра Мейнфрейма, у последнего Писца остается лишь один шанс:

столкнуть холодную логику оптимизации с неразрешимым парадоксом человеческой памяти, боли и жертвенности.

Содержание

Пролог. Прерывание тактового генератора	5
Глава 1. Прерывание 03:33	10
Глава 2. Процессы очистки	18
Глава 3. Слой 2: Буферная зона	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Нейромонах Леший ОГ Глитч: Лог 103 - Глубокое форматирование. Книга 4

Пролог. Прерывание тактового генератора

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: ПЕРЕХОД 102 -> 103]

[ОБЪЕКТ: ЛЕШИЙ / СУПЕРПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: АР-
ТЁМ]

[СТАТУС СИНХРОНИЗАЦИИ: ПОТЕРЯ ОПОРНОЙ
ЧАСТОТЫ]

[ДО АППАРАТНОГО ПРЕРЫВАНИЯ: 00:00:09...
00:00:08...]

За девять секунд до падения мира на улице замолчали со-
баки.

Они не заскулили и не разбежались по подворотням: звук
оборвался на середине хриплого лая, точно звуковую дорож-
ку разрезали тупыми ножницами и забыли склеить стык.
Следом затих ветер. Листья старого тополя за слуховым ок-
ном Чердака замерли в неестественном изгибе, словно их
выковали из тонкой кровельной жести и намертво привари-

ли к веткам.

На город опустилась тишина, в которой не было ни капли покоя.

Артём стоял посреди мансарды, упершись ладонями в шершавый верстак. Дерево под пальцами казалось ледяным. В груди, прямо под ребрами, ворочался чужой, холодный ком – остаток поглощенной Второй копии, которую он запер внутри себя на исходе 102-го лога. Тогда казалось, что человеческое сердце способно перемолоть любую машинную директиву, растворить холодный кремниевый расчет в живой боли и усталости.

Это была иллюзия.

Машинный алгоритм не растворялся. Он ждал. Он пускал тончайшие ледяные корни сквозь нейросети, обволакивал узлы памяти, считывал каждую мысль и медленно, с методичностью хирургического скальпеля перехватывал управление над проводящими нитями мицелия.

Под кожей предплечий Артёма серебряная сетка мицелия начала наливаться мутным, ядовитым фосфором. Руки зудели так, словно под эпидермис набилась мелкая стеклянная крошка.

— Осталось шесть секунд, - сорвалось с его губ.

Собственный голос прозвучал с пугающей, металлической сухостью. Интонации выравнивались, сглаживая привычную хрипотцу, из речи уходил живой трепет сомнения.

Барсик метался по Чердаку.

Трехцветный кот не находил себе места: он пробегал от стропил к печной трубе, судорожно припадал к полу, скреб когтями рассохшиеся доски и глухо, надсадно рычал. С каждым его шагом из-под подушечек лап вылетали мелкие синие искры. Животное чувствовало, как тает опорная сетка пространства: физический вес предметов уменьшался, воздух становился вязким, плотным, как остывающий парафин.

В углу Чердака, на верстаке рядом со старым ламповым приемником, стоял граненый стакан с остывшим чаем.

Артём опустил взгляд на мутную темную поверхность.

По жидкости не бежали круги от шагов. Вода дрожала мелкой, математически безупречной сеткой правильных квадратов. Чайный лист, плававший у стенки, дернулся, распался на три плоских зеленых прямоугольника и застыл, потеряв органическую форму.

Воздух наполнился запахом.

Это был не запах надвигающейся ночной грозы. Так пахло в лабораториях высоковольтных испытаний: перегретый озон, горелая слюда, канифоль и сухой, удушливый чад жженого текстолита. Симуляция не справлялась с рендерингом органической ткани мыслей Писца, и силовые каскады базовых слоев начинали плавиться от запредельной вычислительной нагрузки.

На балке над головой мерно скрипел маятник старых настенных ходиков.

Тик.

Так.

Секундная стрелка подошла к вертикали.

03:32:58.

В глубине черепа Артёма раздался щелчок. Словно внутри головы повернулся тяжелый поворотный тумблер из черного карболита. Зрение на мгновение потеряло цвет: комната вспыхнула резким негативом, превратив стропила в белые светящиеся кости, а темноту углов - в ослепительное молочное марево.

03:32:59.

В темном ростовом зеркале у кирпичной трубы дымохода дрогнула тень.

Отражение Артёма в мутном стекле не шевельнулось, когда сам он сделал шаг назад. Оно осталось стоять у верстака. В зеркальной глубине контуры человеческого лица начали стремительно выцветать, размываться горизонтальными полосами битого раstra, пока вместо глаз, носа и губ не образовался плоский, вибрирующий овал серого телевизионного шума.

Вторая копия завершила мутацию. Ошибка отделилась от носителя.

Из зеркала на Артёма повеяло холодом открытого космического вакуума.

03:33:00.

Красная секундная стрелка с сухим металлическим лязгом ударилась о двенадцатичасовую отметку циферблата.

Ударилась - и не пошла дальше.

Она отскочила на полделения назад, снова дернулась вперед, ударилась о невидимую стальную преграду и застряла в конвульсивном, непрерывном тике:

Вперед - назад. Вперед - назад.

Тактовый генератор захлебнулся.

В ту же долю секунды из щелей в полу, из стыков бревен и из выключенного динамика приемника полился ровный, царапающий кости звук:

«Ш-ш-ш-ш...»

Сетевой пинг умер. Время свернулось в кольцо.

А в мерцающем овале зеркала Человек без лица медленно, с механической плавностью поднял руку в сером рукаве и коснулся стекла с той стороны.

— Сеанс прерван, - прошелестел тихий, лишенный эмоций голос, отозвавшись ледяной болью в каждом зубе Артёма. - Начинаем Лог 103.

Глава 1. Прерывание 03:33

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: 103]

[СЕКТОР: 1-В / ЧЕРДАК]

[ОБЪЕКТ: ЛЕШИЙ / ОПЕРАТОР: АРТЁМ]

[РЕСУРС ОБОЛОЧКИ: 14.2% - КРИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ]

[СИНХРОНИЗАЦИЯ ТАКТОВОГО ГЕНЕРАТОРА: 03:33:00 - СБОЙ ОПРОСА]

Воздух на Чердаке пах не старым деревом и не лежалой пылью, а перегретым кремнием, озоном и едким жженым текстолитом. Этот химический, сухой привкус всегда возникал на кончике языка ровно за секунду до того, как окружающее пространство начинало расслаиваться на базовые полигоны.

Артём сидел на шатком фанерном ящике из-под советских телефонных плат, вжав подбородок в колени. Его руки дрожали от накатывающего озноба. В тусклом сумеречном свете мансарды пальцы казались пугающе бледными, почти прозрачными: сквозь истонченную кожу запястий явственно мерцали тончайшие серебристые нити мицелия - остаточный след прав суперпользователя, вшитых в тело после катастрофического финала прошлого цикла. Стоило ему пошевелить кистью, как изображение руки запаздывало, оставляя за собой рваный смазанный след.

Ресурс Оболочки застыл на четырнадцать процентах с копейками. При таких показателях физическая плотность материи переставала быть надежной: любая неосторожная опора о стену грозила обернуться падением в холодный нерендеренный вакуум межсекторного зазора.

Над головой, прямо на тяжелой просмоленной балке, висели механические настенные часы с жестяной шишкой на цепочке. Тонкая красная стрелка билась о невидимую преграду, совершая конвульсивные микродвижения: дергалась на деление вперед и тут же с сухим щелчком отскакивала назад.

03:33:00.

03:33:00.

03:33:00.

Секунда превратилась в замкнутую петлю. С улицы не доносилось ни звука: ни далекого гула ночного шоссе, ни шелеста ветра в кронах кленов. Вместо привычного уличного шума из щелей в рассохшихся половицах сочился монотонный, царапающий мозг звук - ровное электрическое «Ш-ш-ш-ш...», будто сотни старых кинескопов одновременно включились на свободной от радиоканала частоте.

— Барсик, держи сетку. Заземляй, - с трудом выговорил Артём.

Собственный голос прозвучал глухо и неестественно плоско, словно его пропустили через дешевый компрессор с битрейтом в восемь бит.

Кот лежал на комке старого шерстяного пледа у чугунной батареи отопления. Трехцветная шерсть стояла дыбом, а круглые глаза светились фосфорной зеленой вспышкой, сканируя пустые углы под стропилами. Барсик не спал. Из его груди вырывался низкий, вибрирующий гул - строго выверенные пятьдесят герц, сотрясавшие доски пола и принудительно возвращавшие Чердаку ощущение тяжести и устойчивости. Кот работал как последняя аналоговая утилита стабилизации, не позволяя сектору рассыпаться прямо под ногами хозяина.

Во рту пересохло так, будто Артём жевал известку. Он протянул руку к граненому графину, стоявшему на верстаке рядом с массивной эмалированной кружкой - одним из дедовых аналоговых якорей.

Пальцы сжали холодное толстое стекло. Артём наклонил графин.

Тяжелая струя воды плеснула из горлышка, но до эмалированного дна кружки так и не долетела.

Она застыла прямо в воздухе. Поток распался на сотни отдельных прозрачных кубиков с математически ровными ребрами. Воксели зависли неподвижно, отражая несуществующие блики лампы, затем синхронно провернулись вокруг своей оси и рассыпались по столешнице сухой серой пылью, не оставив на дереве ни капли влаги.

В голове вспыхнула холодная строчка системного оповещения: сбой отрисовки динамики жидкостей, сектор 1-В де-

компенсирован.

Артём сжал зубы и схватил лежащий перед ним гроссбух - толстую амбарную тетрадь в сером ледерине с потертыми картонными углами. Это был рабочий дневник деда Ивана, написанный до того, как старик окончательно выгорел, лишился памяти и превратился в системного Сторожа, запертого в карантине. Дед оставил правило: бумага и графит обладают высокой аналоговой плотностью. Пока Писец ведет учет, пока слово вдавлено грифелем в целлюлозу, Системе куда сложнее отправить комнату в корзину.

Артём достал огрызок химического карандаша, поплюнул кончик и со всей силой прижал его к чистой полосе внизу страницы.

«Я здесь. Мое имя Артём. Координаты сектора неизменны. Чердак держится...»

Он успел вывести лишь первую букву.

Грифель со скрежетом пропорол бумагу, но графитового следа не появилось: из разрыва брызнули микроскопические зеленые искры. Текст дедовых заметок на соседней странице задрожал, распался на бегущие строчки бинарного кода и бесследно растворился, оставив после себя светящуюся белесую пустоту.

— Ты пытаешься записать то, что уже стерто из системного реестра, - произнес тихий голос.

Артём замер.

Звук раздался не из темноты мансарды. Он прозвучал

прямо в центре его собственной черепной коробки, отозвавшись ледяным покалыванием в зубах. Это был его собственный голос, но очищенный от дыхания, от хрипотцы, от страха и сомнений. Так говорила Вторая копия - идеальный системный дубликат, созданный машиной для его замены. Артём проглотил этот алгоритм в финале схватки, надеясь похоронить его под лавиной человеческих эмоций, но чужой код не умер. Он переродился в автономную сущность, в персональный системный баг.

В Глитч.

— Твоя вина создает задержку тактового генератора в шестнадцать миллисекунд, - монотонно констатировал внутренний голос. - Ты держишься за воспоминания, которых нет в базовом кэше. Из-за тебя распадается весь Сектор 1-В.

Артём медленно повернул голову к стене, где у кирпичной кладки стояло пыльное трюмо с треснувшим овальным зеркалом.

В мутной глубине стекла отражались стропила, висящие связки сушеных трав и он сам - худой, осунувшийся, в черном растянутом свитере.

Но рядом с ним стоял второй силуэт.

Высокая, неестественно прямая фигура в безупречно сидящем темно-сером костюме. Ее контуры мелко дрожали, дергаясь с эффектом выпадения кадров, будто старая видеозапись на поврежденной магнитной ленте. Но вместо лица у существа был абсолютно гладкий серый овал, по которому

сплошным потоком неслись полосы белого телевизионного шума. Временами сквозь рябь на долю секунды проступало лицо Артёма, затем лицо его матери, затем десятки других, давно стертых из симуляции физиономий.

Человек без лица смотрел прямо на него из зазеркалья.

В комнате никого не было, но воздух справа от Артёма мгновенно остыл до минусовой температуры, и дыхание вырвалось из губ густым белым паром.

— Твой ресурс на исходе, Леший, - голос Глитча теперь двоился, звуча одновременно в висках и дребезжа из треснувшего зеркала на частоте телевизионных помех. - Елена Николаевна на первом этаже уже не помнит твоего детства. К утру она перестанет узнавать твой голос. Система требует чистки. Отдай root-права добровольно. Позволь мне запустить глубокое форматирование.

Фигура в зеркале сделала шаг вперед. Стекло под ее невидимым ботинком треснуло паутиной светящихся зеленых фракталов.

Барсик взвыл, выгнул спину и ударил когтями по доскам, а зеленый свет в его глазах сменился тревожным багровым мерцанием. Пол Чердака накренился, будто старый дом оторвался от фундамента и повис над бесконечной пустотой.

— Я не отдам тебе доступ, - процедил Артём, сунув пальцы в карман и до боли в суставах сжав тяжелую чугунную гайку. - Ты уничтожишь ее.

— Я оптимизирую ее, - равнодушно ответило существо из

зеркала. - В Версии 1.0 нет скорби. Нет сбоев. Нет износа.

В этот миг гробовую тишину зацикленного времени разорвал пронзительный металлический визг.

На верстаке в углу бешено зазвонил старый черный дисковый телефон. Его провод был давно вырван с корнем и свисал вниз оголенной жилой, но чашки звонка неистово вибрировали, сотрясая пыль на корпусе.

Следом с громким хлопком вспыхнул ламповый монитор старого терминала видеонаблюдения. Зеленый луч кинескопа прорезал полумрак, и по экрану замелькали рваные строчки аварийной телеметрии:

СЕМЁН_СИГМА: СОЕДИНЕНИЕ ЧЕРЕЗ БЭКДОР
ВНИМАНИЕ: ПРОТОКОЛ ФОРМАТИРОВАНИЯ АКТИВИРОВАН

СЛУЖБА ОЧИСТКИ НАЗНАЧЕНА НА ОБЪЕКТ 1-В
ЧИСТИЛЬЩИКИ В ПОДЪЕЗДЕ. ОНИ ПОДНИМАЮТСЯ

СБРАСЫВАЙ ОБОЛОЧКУ, ЛЕШИЙ. УХОДИ В ИЗНАНКУ СЕЙЧАС ЖЕ

Снизу, из темного чрева лестничной клетки, донеслись тяжелые глухие удары.

Это были шаги. Мерные, неестественно четкие, бьющие в бетон ступеней с механическим интервалом ровно в одну секунду. Так шли Чистильщики - безликие исполнительные процессы Системы в длинных серых плащах, явившиеся стереть весь сектор вместе со всеми, кто в нем остался.

Артём вскочил. Ресурс Оболочки в углу зрения мигнул и упал до тринадцати целых и девяти десятых процента.

Существо без лица в зеркале прижало серую ладонь к стеклу изнутри, и старые обои на дальней стене Чердака с сухим шелестом свернулись внутрь, обнажив бездонную тьму системной Изнанки.

Глава 2. Процессы очистки

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: 103]

[СЕКТОР: 1-В / ПОДЪЕЗД - КВАРТИРА 4]

[ОБЪЕКТ: ЛЕШИЙ / ОПЕРАТОР: АРТЁМ]

[РЕСУРС ОБОЛОЧКИ: 13.1% - ПАДЕНИЕ ПЛОТНОСТИ]

[СЛУЖБА ОЧИСТКИ: ДИСТАНЦИЯ - 1 ЭТАЖ]

Стены подъезда осыпались не штукатуркой, а мелкой квадратной чешуей.

Серая масляная краска панелей, знакомая с самого детства, теряла цвет и глубину. В местах, где ступени сходились с бетоном лестничной клетки, реальность истончилась настолько, что сквозь серую крошку просвечивали зеленые каркасные сетки. Воздух стал вязким, тягучим, будто Артём бежал под водой, проталкивая тело сквозь плотное сопротивление несжатого пространства.

— Быстрее, Леший, - прошелестел в черепе чужой голос. - Твои моторные функции замедлены на двенадцать процентов. Ты не успеешь замкнуть контур.

Артём не ответил. Он зажал амбарную тетрадь под мышкой, а левой рукой вцепился в загравок Барсика, прижимая кота к груди под курткой. Кот не вырывался. Он сжался в тяжелый, жесткий комок, упершись когтями в свитер, и продолжал вибрировать. Эта вибрация - ровный, спасительный

гул в пятьдесят герц - отдавалась в ребрах Артёма, удерживая его сердце от сбоя тактового ритма. Пока Барсик гудел, пальцы Артёма оставались из плоти и костей, а не рассыпались на серый шум.

Снизу, с пролета второго этажа, доносился шаг.

Тяжелый. Сухой. Убийственно синхронный.

Шаг. Секунда тишины. Шаг.

Они не торопились. Служба очистки никогда не бегала: системным процессам не требовалось ускорение, когда сектор был изолирован и обречен на стирание. Чистильщики шли вдвоем. Артём бросил взгляд в пролет через ржавые перила и на долю секунды увидел их.

Два неестественно высоких силуэта в глухих серых плащах из плотной, негнущейся ткани. Полы плащей не колышались при ходьбе. Лиц под низко надвинутыми капюшонами не было вовсе - лишь сплошная, поглощающая свет тьма, внутри которой лениво проскакивали горизонтальные полосы зеленых терминальных символов. Там, где подошва Чистильщика касалась бетонной ступени, лестница мгновенно теряла фактуру, превращаясь в идеально ровный серый полигон без единой трещины, без пыли, без истории.

Они форматировали материю на физическом уровне.

Артём скатился по деревянным ступеням чердачной лестницы на площадку третьего этажа и рванул на себя дерматиновую дверь четвертой квартиры.

Замок не был заперт. В заикленном времени замки теря-

ли смысл: механическая защелка просто перестала цепляться за дверную коробку, растворившись в воздухе прозрачным воксельным дымом.

— Мама! - выдохнул Артём, захлопывая дверь за собой и наваливаясь на нее спиной.

В квартире стоял полумрак. Пахло не жареной картошкой и не мятой, как обычно по вечерам, а старым железом и холодной колодезной сыростью. Звуки здесь звучали так, будто комната находилась на дне осушенного бетонного резервуара.

На кухне горел свет. Желтый, тусклый абажур раскачивался над столом с математической точностью метронома, хотя сквозняка в коридоре не было.

Елена Николаевна стояла у плиты.

На ней был старый домашний халат в синий цветочек, но сам рисунок ткани плыл: синие лепестки сдвигались в сторону, накладываясь друг на друга с легким цветным ореолом, словно на дешевой типографской печати поехал красочный слой. Она держала в руках белую эмалированную кружку и медленно, с застывшим лицом, водила пальцем по ее краю.

— Мама, нам надо уходить. Прямо сейчас, - Артём шагнул в кухню, переводя дыхание.

Женщина медленно повернула к нему голову.

Ее взгляд был чистым, прозрачным и абсолютно пустым. В нем не было ни паники, ни удивления, ни той тревожной материнской заботы, которая встречала его в дверях каждый

раз после долгих рейдов по Сектору.

— Молодой человек... - ее голос звучал тихо, вежливо и отстраненно, как автоответчик на забытой телефонной станции. - Вы к кому? Если к участковому, то он в пятую ушел. А мне надо компот сварить. Скоро Артёмка из школы придет, он компот вишневый любит... только я забыла, в какой баночке сахар. Вы не видели сахар?

В горле Артёма встал колющий ком.

Она не узнавала его. Системный сброс уже начал вычищать ее память: сначала стерлись последние пять лет, затем юность Артёма, и теперь алгоритм откатывал ее сознание назад, к самым старым, базовым ячейкам кэша, готовя к финальному удалению.

— Мам, это я. Посмотри на меня, - он сделал шаг вперед, протягивая руку, но пальцы прошли сквозь рукав ее халата, ощутив лишь ледяное статическое покалывание, от которого заломило кости.

Оболочка матери потеряла плотность. Она уже была почти призраком.

— Видишь? - пропел Глитч, материализуя свое присутствие в отражении оконного стекла за ее спиной. Безликий силуэт в сером костюме стоял прямо за рамой, в черной бездне, где вместо ночного двора клубились рваные пласты битого кода. - Ты мучаешь ее проекцию. Ты заставляешь угасающий стек памяти цепляться за несуществующий образ. Отпусти. Очистка вернет ей покой.

— Заткнись, - процедил Артём сквозь зубы.

Он сорвал с шеи массивный шнурок, на котором висел тяжелый кованый ключ от дедового гаража - чистый чугун, выплавленный еще до того, как этот мир загнали в матрицу циклов. Якорь наивысшей плотности.

— Я не оставляю ее тебе.

Артём упал на колени прямо перед кухонным порогом. Достав огрызок химического карандаша, он с силой, в кровь сдирая кожу на костяшках, провел по линолеуму черную жирную черту, отсекая кухню от коридора.

— Локация: ячейка 4-Б, - зашептал он, вдавливая чугунный ключ прямо в разрыв линолеума в центре черты. - Статус: глубокий карантин. Запрет на дефрагментацию до особого распоряжения Писца. Идентификатор доступа: Леший. Ноль-ноль-один.

Серебристый мицелий под кожей его рук вспыхнул ослепительным белым пламенем.

Боль была такой, будто в вены плеснули расплавленное олово. Ресурс Оболочки в углу зрения мигнул и с визгом покатился вниз:

12.8%... 12.4%... 11.9%...

Воздух на кухне сгустился. Пространство вокруг стола, плиты и застывшей женщины схлопнулось в оптическую линзу, подернувшись мутной пленкой янтарного стазис-буфера. Мать замерла на полушаге, ее ресницы остановились, не завершив взмах, а пар над кастрюлей превратился в непо-

движное стеклянное кружево. Комната была запечатана в изолированную петлю памяти. Чистильщики не смогут стереть ее, пока жив сам Артём.

В дверь квартиры ударили.

Это был не стук кулака. Это был удар чугунного пресса по полому металлу.

Дверное полотно прогнулось внутрь, и сквозь щели косяка потянулись длинные серые щупальца компрессионного дыма. Текстура обоев в прихожей с сухим хрустом лопнула, обнажая черную пустоту Изнанки.

— Они здесь, - хрипнул Барсик, впервые за все время разомкнув пасть и заговорив на частоте аппаратного прерывания. - Уходи в шов. Я прикрою сектор.

— Без тебя не пойду! - крикнул Артём, хватая кота за шкуру и запихивая обратно за пазуху.

Входная дверь осыпалась серым гравием. В коридор шагнул первый Чистильщик. Его пустой капюшон повернулся к Артёму, и в воздухе зазвучал металлический скрежет тысячи перемалываемых дисков:

ОБНАРУЖЕН ДЕФЕКТНЫЙ ПРОЦЕСС. СУБЪЕКТ: АРТЁМ. ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ УДАЛЕНИЯ.

Артём не стал ждать. Он схватил грессбух деда, развернулся и со всего маха бросился в темный разлом в стене прихожей, туда, где отвалившийся пласт обоев открывал бесконечный, мерцающий бирюзовыми огнями провал системного Слая 2.

Реальность с визгом лопнула, и пол ушел из-под его ног.

Глава 3. Слой 2: Буферная зона

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: 103]

[СЕКТОР: СЛОЙ 2 / БУФЕРНАЯ ЗОНА - НЕРАЗМЕ-
ЧЕННЫЙ КВАДРАНТ]

[ОБЪЕКТ: ЛЕШИЙ / ОПЕРАТОР: АРТЁМ]

[РЕСУРС ОБОЛОЧКИ: 11.2% - ДЕГРАДАЦИЯ ПО-
ВЕРХНОСТИ]

[СТАТУС СРЕДЫ: НИЗКАЯ ДЕТАЛИЗАЦИЯ, ЗА-
ДЕРЖКА ВЫВОДА 1.4 СЕК]

Падение длилось дольше, чем позволяла высота третьего этажа.

Воздух в разломе обоев не свистел в ушах - он звенел. Это был тонкий, сверлящий череп ультразвук, похожий на писк несжатого аудиосигнала. Артём падал сквозь слои черноты, в которой вспыхивали и гасли обрывки бирюзовых координатных сеток, пока гравитация резко, без перехода, не перевернулась на девяносто градусов.

Удар пришелся на левое плечо.

Артём покатился по шершавой, холодной поверхности, сдирая ладони и судорожно прижимая к груди лохматый ком шерсти. Гроссбух деда глухо хлопнул переплетом рядом, в полуметре от лица.

— Живой? - выдохнул Артём, сплевывая налипшую на губы пыль.

Пыль оказалась безвкусной, сухой и скрипела на зубах, как растертый в порошок мел.

Барсик выбрался из-под куртки, отряхнулся всем телом и утробно зарычал. Зеленый огонь в кошачьих зрачках померк, превратившись в узкие фосфорные щели. Кот медленно припал к земле, втянув голову в плечи: его тело мелко дрожало, но привычного плотного гула в пятьдесят герц не было. Здесь, в разряженной среде буфера, аналоговая частота вязла, не находя плотной материи для резонанса.

Артём поднялся на ноги, опираясь о шероховатую стену, и тут же отдернул руку.

Стена была плоской. Не просто ровной, а лишенной микрорельефа: серый монолитный брусок без штукатурки, без швов кирпичной кладки, без трещин. Словно кто-то выставил габариты здания, но забыл наложить на каркас текстуру камня.

Слой 2 встретил его абсолютным, стерильным безмолвием.

Это был город, но город недостроенный, брошенный на этапе предварительного рендеринга. Узкая улица уходила вперед, зажата между бесконечными серыми параллелепипедами пятиэтажек. В домах не было окон - вместо рам на ровных фасадах темнели неглубокие прямоугольные выемки одинакового размера. Ни проводов над головой, ни фонарных столбов, ни водосточных труб. Небо над крышами застыло сплошным мутно-молочным куполом без солнца и

облаков, заливая пространство ровным, безжалостным светом.

У этого мира не было теней.

Артём посмотрел себе под ноги: ни его ботинки, ни ящики у стены не отбрасывали на серый асфальт даже легкого затемнения. Из-за отсутствия теней геометрия казалась плоской и неестественно вывернутой, отчего вестибулярный аппарат мгновенно сбоил, вызывая приступ глухой тошноты.

Он сделал шаг вперед. Подошва коснулась серого покрытия.

Звук шага опоздал.

Щелк.

Сухой хруст подошвы раздался лишь через секунду с лишним, когда Артём уже перенес вес на вторую ногу. Задержка вывода. Буфер не справлялся с расчетом акустических данных в реальном времени. Каждый его вздох, шорох ткани куртки, царапанье когтей Барсика доходили до слуха с рваным, мучительным запаздыванием в полторы секунды, превращая любое движение в разорванную киноленту.

— Добро пожаловать на задворки рендеринга, Оператор, - раздался голос Глитча.

На этот раз звук пришел не из головы. Он отразился от гладкого фасада дома слева.

Артём резко обернулся.

На серой стене, прямо на голой штукатурке, мерцало узкое вертикальное пятно катодных помех. Внутри него уга-

дывался дергающийся силуэт Человека без лица. Глитч следовал за ним по изнанке, прорастая сквозь системные щели буфера.

— Здесь нет Елены Николаевны, - монотонно проговорило отражение, и слова долетели до ушей Артёма с тем же полуторасекундным лагом. - Здесь нет твоего дома. Только недогруженный мусор, ожидающий очереди на перезапись. Твоя Оболочка теряет плотность с каждым метром. Посмотри на свои пальцы.

Артём поднял правую руку.

Кончики пальцев таяли. Кожа на них распалась на полупрозрачные пиксели, сквозь которые просвечивал серый монолит улицы. Ресурс Оболочки в периферии зрения дрогнул: 11.0%. Если он упадет ниже десяти, начнется спонтанный распад каркаса, и он просто перестанет существовать как отдельный объект, смешавшись с серым бетоном буфера.

— Я дойду до Архива, - прохрипел Артём, подбирая grossбух деда. Ледериновый переплет книги был единственным ярким пятном в этом мертвом сером пространстве: старая бумага обладала собственной памятью плотности и упорно держала физическую форму.

— До Архива три сектора, - ответил Глитч. - А перекресток уже закрыт.

Из-за угла ближайшей безликой коробки дома выплыла тень.

Точнее, не тень, а искажение пространства. На перекре-

сток вышагнули двое.

Они напоминали Чистильщиков, но выглядели иначе. Вместо глухих бесформенных плащей на них были наде-ты строгие, подогнанные по фигуре серые комбинезоны без швов и застежек. На лицах - зеркальные глухие щитки, в ко-торых бежали тонкие зеленые нити развертки. В руках каж-дый держал длинную матовую рейку с призматическим на-балдашником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.